

Т. А. ГРИДИНА

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

УДК 801:821.161.1-1(Северянин И.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)118+Ш33(2Рос=Рус)6-8,445

СЛОВЕСНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА: ИГРА В ПОЛЕ ЯЗЫКОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Аннотация. Словесные эксперименты И. Северянина рассматриваются как эстетический код поэтического миромоделирования при использовании системного потенциала языка и игровых механизмов переключения ассоциативных стереотипов. Выделяются следующие специфические черты авторской техники создания грамматических и словообразовательных новаций: 1) работа со словом на уровне «системной словообразовательной гиперпарадигмы»; 2) «редукция» звеньев словообразовательного процесса; 3) грамматическая актуализация семантики окказионального слова, представленная значениями обыгрываемых словоформ; 4) избирательность способов и моделей словообразования, соответствующих эстетической установке свободного поэтического самовыражения уникальной творческой личности («лирического ироника»). Игровая деканонизация художественной формы осуществляется Северянином в соответствии с «законом» обнаружения непредсказуемого содержания в предсказуемом (потенциальном) слове. Зону поэтического креатива И. Северянина образуют словоформы, созданные путем «достраивания» отсутствующих в норме числовых парадигм, степеней сравнения и т.п.; в целом креативная грамматика Северянина «опрокинута» в системный контекст. В собственном словотворческом экспериментировании проявляется та же тенденция. Вместе в тем ассоциативный ресурс словотворческих «игрем» (например, символика созданных поэтом «неоформ» и «неожанров») обладает особой нагруженностью в выражении «я»-восприятия поэта, возвышающегося над обыденностью.

Ключевые слова: языковая игра, механизмы словотворчества, поэтический идиостиль.

Творчество Игоря Северянина – яркое проявление экспериментального начала в поэзии XX века. Выступая против следования любым эстетическим канонам, поэт не боится в языке ничего изощрённого и, казалось бы, «излишнего»: «... *Явный вызов/ Условностям в моих стихах/ И ряд изысканных сюрпризов/ В капризничаящих словах .../ Бранили за смешенье стилей, / хотя в смешеньи-то и стиль./ ... Пускай критический каноник/ Меня не тянет в свой закон, - / Ведь я лирический ироник:*

/Ирония – вот мой канон (Двусмысленная слава). Словесные эксперименты Северянина – тонкий инструмент языковой игры (ЯИ), определяющей функциональную и смысловую специфику новаций в системе его художественного миромоделирования.

В широком витгенштейновском смысле ЯИ понимается как язык и все «сплетённые» с ним виды деятельности [Витгенштейн 1995], что соответственно определяет вероятностный прогноз и некие «границы» (допустимый диапазон) речевых действий носителя данного языка (в том числе регламентированных нормой). Однако творческая инициатива личности не только не сковывается языком, но, напротив, предполагается «бесконечной семантической валентностью языкового знака» [Лосев 1982: 119] и реализацией системного потенциала языка как «непосредственной действительности мысли» [там же: 92], «Чем системнее язык, – указывает М. Эпштейн, – тем свободнее он в своих творческих воплощениях» [Эпштейн 2010: 444]. В свете сказанного важно рассмотрение ЯИ как особой формы лингвокреативного мышления, в основе которого лежат механизмы актуализации и ломки, переключения ассоциативных стереотипов восприятия, употребления и порождения словесных знаков [Гридина 1996]. Операциональные механизмы ЯИ отзеркаливают заложенные в системе возможности формо-, слово- и смыслообразования: конструктивные принципы ЯИ реализуют стратегию моделирования нестандартного ассоциативного контекста восприятия игремы (игровой трансформы) на фоне опознаваемого прототипа⁶. Словесное экспериментирование (игра в поле языковых возможностей) в поэтическом творчестве выступает своеобразным камертоном вариативного «функционирования» языка в авторском художественном сознании.

Вполне коррелируют с эстетикой игры как формой творческого самовыражения провозглашённые Северянином «лозунги эгофутуризма: 1. Душа – единственная истина. 2. Самоутверждение личности. 3. Поиски нового без отвергания старого. 4. Осмысленные неологизмы. 5. Смелые образы, эпитеты, ассо-

⁶ Принципы *ассоциативной интеграции, ассоциативной провокации, ассоциативного наложения, ассоциативной идентификации, ассоциативной выводимости, имитации* выделены нами: [Гридина 1996].

нансы и диссонансы. 6. Борьба со „стереотипами“ и „заставками“» (htllher.ru/index.php/literature/90-is-severyanin... 12.09.13).

Стилистическая парадоксальность, сочетание изысканности слога с ироничностью, словотворческие новации, их ассоциативная нетривиальность – черты яркого художественного почерка Северянина как уникальной личности, противопоставляющей себя толпе.

Отметим некоторые типичные для поэта черты деканонизации *слова* в художественной речи, которые, с нашей точки зрения, имеют характер индивидуально-авторского воплощения приемов ЯИ.

1) использование системных потенциализмов – работа со словом на уровне «системной словообразовательной гиперпарадигмы» (термин М. Эпштейна [4]); 2) «редукция» звеньев словообразовательного процесса; 3) грамматическая актуализация семантики окказионального слова, представленная значениями обыгрываемых словоформ; 4) избирательность способов и моделей словообразования, соответствующих эстетической установке свободного поэтического самовыражения уникальной творческой личности: действие в соответствии с «законом» обнаружения непредсказуемого содержания в предсказуемом (потенциальном) слове.

Словотворческие открытия поэта во многом сродни гениальности ребёнка, для которого сам язык является объектом познания (ср., например, *разгалошиться* «снять галоши» как инновацию детской речи и *окалошить* у И. Северянина: *Чтоб ножки не промокли, их надо окалошить* (Карета куртизанки); *накорзинить*: *Накорзинив рыжики и грузди...* (Поэзоантракт). Лаконичность выражения мысли – при отсутствии в языке соответствующих номинаций (вербализация словосочетаний, свёртывание их в одно слово) [Гридина 2004; 2012] – черта «детскости», проявленная в творчестве Северянина, в том числе и как сознательная стилизация, придающая изысканную лёгкость и игривость его «поэзам».

Установка на ломку языкового нормативного канона выражается у Северянина в **свободном отношении к грамматической норме**. Ср., например, характерную для его почерка грамматическую сверхгенерализацию (образование форм мн.ч. от

абстрактных имён существительных и личных имён собственных): ...твои **Тамары**, о, магнетический Кавказ (Демон); *наступали осенние **стужи*** (Осенняя фантазия); ***беги** автомобилей* (Увертюра); «Поэза предвесенних **трепетов**»; *Покаран мир за тягостные **вины*** ... (Лэ III) и т.п. Такое системное расширение числовых парадигм – в обход несимметричной и «недостаточной» для выражения поэтической мысли нормы – в художественном идиостиле Северянина выступает способом особой нюансировки значения обобщающей количественности и повторяемости. Не менее интересна игра Северянина с «запрещёнными нормой» краткими формами относительных прилагательных: ср., например: *В поэзии **ни прав, ни лев*** ... (Поэза о королеве). Эта декларация Северянином собственной уникальности – непричастности ни к *правым*, ни к *левым* течениям в поэзии – при внешней пафосности содержит скрытую самоиронию (омофонически фраза *ни прав, ни лев* прочитывается как *неправ, не лев* – по ассоциации с *неправый* и существительным *лев*). Думается, такое *ассоциативное наложение* прямого и переносного смыслов не случайно («лирический ироник» – неотъемлемое второе «я» провозглашённого и провозглашающего себя королем поэзии «гения Игоря Северянина»).

Степени сравнения – еще одна сфера поэтического креатива Северянина. Спецификой таких игр является их чересступенчатое образование, когда грамматическая форма создаётся от отсутствующего в языке слова (прилагательного или наречия). Например: *Всё так жалко, так ничтожно... День **угрозней** дня...* (Молитва Мирре). Семантика словоформы отсылает непосредственно к существительному *угроза* (при отсутствии промежуточного звена – потенциального прилагательного ***угрозный***). Ср. подобную редукцию словообразовательной цепочки, предваряющей появление окказиональной словоформы со значением превосходной степени: *На что мне царства и порфиры? /На что мне та иль эта роль? /За струнной изгородью лиры – **наикорольнейший** король!* (Лейтмотивы). В данном случае функцию выражения наивысшей положительной оценки берет на себя существительное *король* – при «пропуске» выводимого из структуры словоформы прилагательного с суффиксом *-н* (*король* – *король-н-ый -наи -корольн -ейш /ий*). Ассоциативная

выводимость акцентируемого признака через отсылку к символике мотиватора *король* (подчёркнутую тавтологическим словосочетанием), безусловно, усиливают значение суперлятива. Абсолютно близкими по значению к существительному, а не производному от него прилагательному являются формы сравнительной степени типа *серебрее*: ... *Ночь ежедневно серебрее*, / *И еженощно звонче день* (В парке). Метафора визуализирует картину ночного парка в белом лунном свете, подобном сиянию серебра. Контекстуальное обыгрывание мотивированности наречий *ежедневно* и *еженощно*, первое из которых оксюморонно соотносится с наступлением *ночи*, а второе с ситуацией наступления нового *дня*, передаёт остроту переживаемого лирическим героем ощущения изменений в природе и собственном душевном состоянии.

В некоторых случаях образование сравнительной степени у Северянина строится на паронимической подмене узуального прилагательного (с использованием потенциального номинативного коррелята): *Чем старости слепительнее ночи*, / *Тем беспросветней старческие дни*... (Дон Жуан). Тема смены дня и ночи как аллегория неминуемого приближения старости подчёркнута словоформой *слепительнее*, ассоциативно связанной с *ослепить*, *слепнуть* и *слепительный* как потенциальным «паронимом» к *ослепительный*), ср. игру метафорических смыслов слов *свет* – *слепить* – *беспросветный*.

Неузуальное формообразование выступает одним из востребованных Северянином средств обновления восприятия и усиления экспрессии слова: ... *Я в женщине не отыскал родни* / *Я всех людей на свете одиноче* (Дон Жуан). Или: *И не в тебе ли мой прообраз*, / *Моя загадная душа*, - / *Что вдруг из беспричинно-доброй* / *Бывает зверзче апаша?* (К морю). Словоформа *всех одиноче* соответствует модели образования превосходной степени качественных наречий и «восполняет» имеющуюся в языке лакуну. *Зверзче* – звукосимволически подыгрывает оценочной семантике прилагательного *зверский*, также не имеющего в языке простой формы сравнительной степени. По грамматической форме обычно легко «восстанавливается» окказиональное новообразование: ср., например, деепричастие *молоточа* – от *молоточить*: *Ты затихла на палевом крес-*

ле, /Каблучком молоточа паркет... (Экссессерка). При всей прозрачности и потенциальности глагольного новообразования (ср. *молоточить* от *молоток* и, например, *пилить* от *пила*), его значение наполнено, как это свойственно Северянину, шутливо-изысканной ситуативной метафорикой (буквально «сидя в кресле, постукивать каблучком о паркет, проявляя типично женское кокетство и одновременно скрывая смущение, стеснение, любовное волнение»).

Образование нестандартного грамматического коррелята к существующему нормативному слову в поэзии Северянина всегда коннотативно нагружено. Ср., например, достраивание отсутствующего члена оппозиции «возвратный – невозвратный глагол» в стихотворении «Сиреневый ноктюрн»:... *Меня ты клонишь в кисти, расцветишие лилово, захлѣбывая разум в сиреневых духах...* (усиление экспрессии образа – «потерять разум от дурманящего запаха сирени, *захлебнуться* ее ароматом» – достигается переключением ассоциативного стереотипа употребления возвратной формы – при подмене ее невозвратной). Субъект и объект действия меняются местами (сирень сводит поэта с ума, ввергая его в состояние весеннего «безумства» и ощущения полноты и красоты жизни).

Излюбленными грамматическими формами Северянина являются страдательные причастия, репрезентирующие семантику окказиональных глаголов, от которых они образованы. При этом сами эти глаголы текстово «не предъявляются» (они остаются «за кадром») как само собой разумеющееся (выводимое) звено уже свершившегося словообразовательного процесса. Вот лишь некоторые примеры: ... *Я проснулся в слегка **остариненном** /И в **оновенном** – только слегка! - /Жизнерадостном доме Иринином... /...И покуда в окне **загардиненном** /Не сверкнул два веселых луча, /Буду думать о сердце Иринином...* (Стихи сгоряча). Игра причастиями, которые позволяют восстановить окказиональные глаголы *остаринить* (от *старинный* при помощи фикса *о-... -и/ть*) – о доме, который выглядит как старинный или которому придали старинный вид, *оновить* (ср. узуальное *обновить*), *загардинить* (гардины + *за-... -и/ть* = занавесить окно гардинами). При этом причастия *остариненный* и *загардиненный* омофонически обыгрывают имя хозяйки дома (*Ирина*),

рифмуясь с ним, что придаёт стихотворению шутливую тональность.

Таким образом, креативная грамматика Северянина «опрокинута» в системный контекст и одновременно демонстрирует сложную технику игры на «стыке» грамматической и лексической семантики его поэтических новаций.

В собственно **словотворческом** экспериментировании Северянина проявляется та же тенденция: при всем разнообразии его новообразований можно выделить чётко выраженные идиостилевые доминанты, связанные с выбором не только излюбленных поэтом моделей и способов номинации, но и приоритетных для него лексико-грамматических разрядов разных частей речи. Так, активно востребован Северяниным разряд **абстрактных существительных**, образованных аффиксальными способами (в том числе при помощи нулевой суффиксации). Свойственная таким инновациям семантика опредмеченного признака как нельзя более соответствует обобщающей символике «схваченной» сути бытия (передаче мироощущения поэта). Ср.: **пустынность** (от *пустын/ый* + *-ость*): *Несытая пустынность осеней...* (Зовущаяся грустью) – пейзажная зарисовка, метафорически выражающая состояние душевной опустошённости поэта (повторяющаяся череда *осеней* «отсчитывает» прожитые годы); **небожность** («Интродукция») – вероятно, результат замены приставки *без-* на *не-* в потенциальном слове *безбожность* (от *безбожный*), при этом аллюзивно всплывает выражение *не по-божески*; контекстуальный смысл инновации **небожность** («жизнь без Бога в душе») – состояние человеческого бытия, отрицаемое Северяниным; **безлучье** – от *луч* при помощи конфикса *без-...-й(е)*: *Устало сердце от узких рамок благополучья, / Оно в унынии, оно в оковах, оно в томленьи... / Отчаясь грезить, отчаясь верить, в немом / безлучьи* (В грехе – забвенье). В семантическом плане это потенциальное новообразование символически нагружено: *безлучье* – отсутствие мечты, веры, невозможность вырваться из тисков обыденности.

Многие северянинские инновации из сферы абстрактных существительных со значением опредмеченного признака наполнены чувственной (визуальной, кинестетической, аудиальной) и ситуативной конкретикой: например, **хрупот** – от звукоподра-

жательного *хрупать* (ср. аналогию с *топот*) ассоциативно связано с *хрупкий* и *хруст*, что способствует выражению авторской иронии по поводу относительности нравственных устоев: *Хрупот нравственных пропаж* (Июльский полдень. *Синематограф*);⁷ *звяк* шпор (от *звякать*); сабель *среброзлат* (сущ. с нулевым суффиксом от «выводимого» звена словообразовательной цепи *среброзлатый*: буквально «блеск сделанных из серебра и золота сабель»); ситуативно связанные дериваты *крапат* (от *крапать*: о ярких крапинках узора, которые на белоснежной, как лилия, блузке юной девушки выглядят, словно рассыпанные по лицу веснушки) и *весень* (от *весенний* по структурной аналогии с *осень*): *Еще вы девушка: ведь этот алый крапат /На блузке лилиебатистовой – весень...* (Еще вы девушка). Целый ряд примеров подтверждает тот факт, что абстрактные существительные, несомненно, обладают особой приоритетностью в словотворческом регистре Северянина: *...я словно сад весенний/ И весь сплошная светозарь* (Монументальные пустыки); *недостойность* – антоним к *достоинство* (Девятнадцативешняя); *лазорие* и *штиль* (в душе); *изборы* (ср. *выбор* от *выбирать* и *избор* от *избирать*, намечающее мотив избранности поэта); *утонок* (от *утончённый* и *тонкий*): *Мы – фанатики наших изборов,/ Изысков, утонка. /Мы чувствуем тонко* (Фанатики изборов); *безжизние* (Пора безжизния) – иронический перифраз к слову *осень*; *изнежие* – состояние испытываемой *неги*, доставляемого чем-то удовольствия (об утончённом, «изнеживающем» вкусе малины): *... Изнежие малины* (Лэ III); *безлюбове* – оценочный оппози́т к *любовь*: *Любовь без страсти – просто безлюбове* (Секстина XII) и т.п.

Обобщающая экспрессия подобных номинаций ярко проявлена в характеристиках современных Северянину поэтов: *Его бесспорная надмодность* (о Брюсове); *В его значительном ненужьи* /*Биенья сердца вовсе нет* (об Иванове) – оксюморон, выражающий ироническую оценку. И восторженно о Пушкине: *Пускай он стар для современья, /Но современье для него/ Ничтожно: ведь его мгновенье – /Прекрасней века моего!* (контек-

⁷ Речь идет о «двух девственных дамах», которые едут в коляске, обуреваемые жадой любовных наслаждений.

стуальная актуализации связи слов *современье – век – мгновенье* и аллюзия на известное стихотворение Пушкина создают ситуативно-игровой эффект *ассоциативного наложения*).

Особую словообразовательную технику ЯИ, свойственную Северянину, транслируют **образно-конденсирующие глагольные номинации**, замещающие собой синтаксически развёрнутое описание обозначаемого (закрывающее в себе метафорическое сравнение): *бриллиантится веселая роса* (= блескит, как бриллианты); *кружесвеет утром лес* (= лес, как кружево); *кострят экстазы* (= экстаз подобен пламени костра) и т.п.

Не менее выразительны в поэтическом языке Северянина **отсубстантивные глаголы**, образованные при помощи конфикса *о-/об- ... -и-(ть)*, со значением проявленного признака. Ср., например, *онебесить, олунить, обезденежить, освирелить* и др.: *Ты слышишь? Чьи-то голоса/ Звучат так весело-задорно над онебесенной рекой?.../Своей тоской/ Ты ничего тут не изменишь, /Как нищего не обезденежь, /Как полдня ты не олуннишь* (Июневый набросок); *Пой, менестрель двадцатого столетья! /...И правду иносказно освирель...* (Увертюра к т. XI). Актуализация ассоциативного потенциала мотивирующего слова создаёт самые различные приращения образного смысла, осложняющего номинативную функцию окказионализмов этого типа (в том числе представленных и в виде глагольной словоформы): *Его уста – орозенная язва* (Оскар Уайльд) – «уста, жальщие, как роза» (оксюморонная образная номинация, характеризующая язвительность как форму иронии и самозащиты) // *Удастся ль душу дамы восторженной/ Омолнить курортному оркестрику?* (Карета куртизанки) – образная номинация со значением «поразить, удивить» актуализирует ассоциативный признак мотивирующего слова *молния* – «внезапность, быстрота» и т.п.

Ассоциативной уникальностью в поэзии Северянина, безусловно, обладают инновации, образованные **способом сложения**. Условием ЯИ выступает актуализация ассоциативного поля восприятия мотивирующего слова в структуре заданной словообразовательной модели.

Одно из таких ключевых для поэта слов – *грёзофарс* – характеризует черты его личности и эстетические приоритеты. Пони-

мая, но не принимая несовершенство человеческого общества, Северянин находит единственно возможную форму для воплощения собственного мироощущения – противопоставление (фарсовое, ироническое) того, что его не устраивает, некоему идеалу (отвечающему, прежде всего, его субъективному мироощущению, представлению о духовности, нравственности, красоте утончённых чувств): *Я трагедию жизни /претворю в грёзофарс* (Увертюра). В соответствии с этим «тезисом» он следует «остраняющей» логике ЯИ, в том числе в словообразовательном регистре.

Особой картинно-поэтической изобразительностью обладают окказиональные существительные, семантика которых в свернутом виде соотносится со словосочетанием. Использование модели неканонического словосложения (основа прилагательного + слово-субстантив) создает эффект «комплексной» визуализации обозначаемого: *зеркалозеро* (зеркало+озеро) – междусловное наложение усиливает значение слова, смоделированного по принципу *ассоциативной интеграции*: озеро с зеркально прозрачной водой; *белолилия, белолебедь, озерзамок, альпорозы, ядосмех, лесофея* (сложения этого типа в «конденсированном» виде представляют номинируемый объект через его отличительный признак). Данный способ образной и/или оценочной акцентировки обозначаемого составляет одну из ярких доминант поэтического идиостиля Северянина, транслируя мироодедлирующую символику окказионального слова в выражении «я»-восприятия поэта, возвышающегося над обыденностью. Так, сложения с компонентом *фея* для поэта есть некое олицетворение неземной красоты и естественной, природной гармонии (ср.: *морефея, лесофея, нимфея*). Подобной символикой в поэзии Северянина обладают не только «экзотические», но и вполне обычные «денотаты». Ср.: *Я – соловей, я сероптичка* (Интродукция). Сравнение себя с серой невзрачной птичкой, которая по голосу – король всех певчих птиц, есть ассоциативная характеристика избранности поэта, его миссии воплотить идеальную красоту мира и человека в словесном творчестве.

Экспрессивным зарядом обладают у Северянина и **сложные прилагательные**, созданные по принципу *ассоциативного контраста* или *ассоциативного усиления* (с использованием

характеризующего интенсификатора): *И ночи пламно-ледяные.../ И тройки бешено-степные...* (Моя Россия); *разгульно-дикая езда* (Январь); *в быстро-темном упоении, в ало-встречном устремлении* (Июльский полдень); *...Пить златистогрёзый черный виноград/ С вечно-безымянной, странно так желанной...* (Тринадцатая. Новелла); *Алогубы-цветики жарко протяни...* (Мисс Лиль).

Не меньшей эмоциональной оценочностью обладают и окказиональные наречия, которые есть результат редукции сложного прилагательного в словообразовательной цепи: *Всем будет весело и солнечно. ... И светозарно-ореолочно: Согреет всех мое бессмертье!* (Мои похороны) и т.п. В словотворческом регистре Северянина наречия используются и как средство иронической нюансировки оценки: *...Глаза подведены кокетно, / Их лица смотрят алоротно...* (Бродячая собака); *Напыщен и опрятно-пряно. /Рокфорно, а не камамберно,/ Жеманно-спецно обуюн* (О Гумилеве) (Пять поэтов). Оригинальностью обладают наречные корреляты, образующие окказиональные текстовые парадигмы: *...Топчи, моя тройка, анализ, рассудочность, чинность!... /Зачем? Беззачемно! Мне сердце пьянит беспричинность!* (Любовь – беспричинность). Восполнение языковых лакун (ср. *зачем* и потенциальные новации *зачемный – беззачемный – беззачемно*), поиск средств оформления нетривиальной мысли – основной стимул словообразовательной «экспансии» в поэзии Северянина.

Ресурс словотворческих «игрем» проявлен в поэзии Северянина разными векторами создания «неоформы» (Сонет XXX) – в широком смысле этого слова (включая эксперименты с жанровой формой). Ср. далеко на полное гнездо собственно авторских терминов: *поэза, неопоззный; поэзно* как антоним к *прозно*: *Я улыбнулся натянуто, вспомнил сарказмно о порохе: Скуку взорвал неожиданно неопоззный мотив* («В блестящей тьме»); *... Поэзно «да», «нет» - оно так прозно!* («Рондо XX»). Его образная утонченность может приобретать пародийно-изысканную манерность: *А потом отдаваясь, отдаваясь грозово,/ До восхода рабыней проспала госпожа* (Это было у моря. Поэма-миньонет). Он буквально «фонтанирует» сериями инноваций, транслирующих сквозные для его творчества мотивы:

например, **чарователь, чаровальщик, чарун, чарник, чародей, чаруйный**. При этом Северянин блестяще остроумен. Чего стоит один только изобретенный им жанр **«поэзошпильки»**! Эвристики такого рода – неотъемлемый атрибут творческого «озарения», чутья слова как черта личности поэта – генератора новых форм и смыслов.

Словесные эксперименты Северянина обнаруживают в нем синкретическую игровую личность: он одновременно креатор, интерпретатор и стилизатор [Лингвистика креатива: 2013], использующий нереализованный языковой ресурс для обновления «обветшалых форм» поэтического творчества. Ассоциативный контекст его игрем (символика созданных им «неоформ» и «неожанров») есть выражение «я»-восприятия поэта, возвышающегося над обыденностью.

ЛИТЕРАТУРА

Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI. – М., 1995. – С.142-149.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: Монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996.

Гридина Т.А. Словообразовательные инновации детской речи как проявление языковой игры // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 2004.

Гридина Т.А. Язык как творчество: аспекты детской «неологии» // Педагогическое образование в России. – 2013. - №6.

Лингвистика креатива -1: коллективная монография /под общ. ред. проф. Т.А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург, 2013.

Северянин И. Поэзы и прозы. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М., 1982.

Эпштейн М. Словотворчество в системе русского языка //Поэтика и эстетика слова. – М., 2010.

©Гридина Т. А., 2016